

УДК 165.9

UDC 165.9

09.00.00 Философские науки

Philosophical sciences

КАК ФИЛОСОФИЯ СТАЛА «ЖАНРОМ ЛИТЕРАТУРЫ»

HOW PHILOSOPHY BECAME «A LITERATURE GENRE»

Корсакова Лидия Викторовна
к.филос.наук., доцент
SPIN-код РИНЦ: : 7592-8633
ФГБОУ ВПО "Кубанский государственный технологический университет", Краснодар, Россия
likors@rambler.ru

Korsakova Lidija Viktorovna
Candidate of Philosophy, Associate Professor
RSCI SPIN-code: 7592-8633
FSBEE HPE Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia
likors@rambler.ru

Оплетаева Олеся Николаевна
к.филос.наук., доцент
SPIN-код РИНЦ: 3206-9425
ФГБОУ ВПО "Кубанский государственный технологический университет", Краснодар, Россия
opleole@gmail.com

Opletajeva Olesya Nikolajevna
Candidate of Philosophy, Associate Professor RSCI
SPIN-code: 3206-9425
FSBEE HPE Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia
opleole@gmail.com

В статье проведен обзор основных теоретических и методологических установок ведущих европейских философских течений второй половины XX века, сформировавших отказ от образа философии как «точной науки», основанной на логико-понятийном инструментариим. Показана связь постструктуралистских построений и структуралистской программы создания новой дисциплины - «типология дискурсов», в контексте которой философия должна рассматриваться как один из жанров литературы. Поиски структуралистов начинаются с описания инвариантных, статичных структур, с помощью которых создаются отдельные художественные произведения. Последние рассматриваются как частные случаи употребления этих атомарных структур. Эта установка, как обнаруживается в статье, приводит к двум следствиям. Первое состоит в том, что литература не имеет специфических отличительных черт по отношению к другим видам дискурса, т.е. как таковая не существует (Ц.Тодоров). А второе, - когда известна логика порождения любых смыслов, становится излишней читательская герменевтика. Эти выводы привели структуралистов к идее создания новой научной дисциплины «типология дискурса». Эту линию со своей стороны продолжили постструктуралисты: стратегия «поэтизации философии» оправдана расширением предмета познания наук в сторону неverifiedи нерационализируемых областей, требующих отдельных методов изучения и языка описания. Т.о. философский дискурс становится тем самым языком описания, с помощью которого можно преодолеть «логоцентризм» традиционного мышления. Далее в статье рассматриваются основные стратегии «логомахии», разработанные Ж.Деррида: «деконструкция», «децентрация структуры»,

In the article we have observed the main theoretical and methodological issues of European philosophy streams in the second half of XX century, which refused the image of philosophy as exact science, based on logic conceptual tool. We have shown the connection of poststructuralist formations and structuralist scheme in creating «discourse typology», a new discipline which implies philosophy to be considered as one of literature genres. Structuralists' search starts from the description of invariable, static structures that help to create separate pieces of fiction. The latter are observed as isolated situations in which these atomic structures are used. Such attitude, as revealed in the article, results in two deductions. The first considers literature having no specific features compared to other types of discourse, i.e. it does not exist as such. (Ts.Todorov) The second deduction implies that being aware of the logical creation of any meaning reader's hermeneutics is seen as unnecessary. These deductions resulted in a new scientific discipline «discourse typology», developed by structuralists. This stream was continued by poststructuralists, i.e. strategy to «poetize philosophy» is justified by the expansion of the object for science cognition in the direction of not verifiable and not rationalized, requiring separate methods of study as well as description language. Consequently, philosophical discourse becomes that very descriptive language that helps to overcome «logocentrism» of traditional thinking. Further in the article we consider the main «logomachy» strategies developed by J.Derrida, i.e. «deconstruction», «structure decentration», «critics of transcendental significatum», «critics of structural properties of the construction»

«критика трансцендентального означаемого»,
«критика структурности структуры»

Ключевые слова: СТРУКТУРАЛИЗМ,
ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМ, ЛИТЕРАТУРА,
ФИЛОСОФИЯ, СЕМИОТИКА, ЗНАК,
ОЗНАЧАЕМОЕ, СМЫСЛ

Keywords: STRUCTURALISM,
POSTSTRUCTURALISM, LITERATURE,
PHILOSOPHY, SEMIOTICS, SIGN,
SIGNIFICATUM, MEANING

Doi: 10.21515/1990-4665-126-047

Идея «эстетизации разума», волновавшая уже Ф. Ницше, М. Хайдеггера, Г.-Г. Гадамера, получает свое обоснование во второй половине XX века. А к настоящему времени в практике современного философствования она по-настоящему воплощается. Далее в статье мы покажем, что тенденция поэтизации мышления, стирания границ между понятийно-логическим и эмоционально-художественным мышлением созрела уже внутри сциентистски ориентированного на лингвистическую методологию течения структурализма. А работы Ж. Деррида, Ж. Делёза и Ж.-Ф. Лиотара явились своеобразным манифестом и окончательным воплощением данного процесса. Влияние постмодернизма сказалось во всех областях гуманитарного знания - от экономики, социологии, политики, заканчивая психологией. Однако особенно заметна реализация этих философских установок в литературоведении, «где на смену структуралистскому аскетизму пришли элегантный гедонизм и иронический скепсис, а подчеркнутая строгость квазиматематических построений уступила место свободной импровизации и непринужденному эссеизму»[1, С.8].

Структуралисты начинают с попыток объективизировать методологию литературоведения. Решением этой проблемы становится ограничение сферы исследования единственным предметом - тем, что только и делает произведение *литературным* произведением. Для обозначения этого понятия вводится термин «литературность». Под литературностью понимаются универсальные законы «языка» литературы (то есть инвариантные, неизменные и равные самим себе структуры,

обладающие конечным набором единиц и правил их комбинирования). Эти структуры обеспечивают создание любых, правильных с точки зрения этого языка, отдельных произведений. Само же конкретное произведение является частным случаем, иллюстрацией употребления этих универсальных, неизменяющихся единиц. Работы В.Я. Проппа («Морфология сказки»), А. Прието («Морфология романа»), исследования нарратологических моделей А.-Ж. Греймаса, К. Бремона и др. показывают, сколь плодотворным стал сам поиск этих атомарных структур. Однако эти исследования не привели к главному - структуралисты так и не дали определение *литературности* (как некой отдельной формы отражения мира), поскольку такие черты, как «вымышленность (fiction), строгую сюжетную организованность и даже использование тех же, что и в литературе, средств языка (рифма, полисемантизм и т.п.) можно обнаружить не только в тех областях, которые принято обычно непосредственно сопоставлять с литературой (например, в рекламе), но и в тех, которые в принципе очень далеки от нее» [2, С.382]. Так как поиск отличительных черт литературности на атомарном уровне инвариантных языковых структур без обращения к отдельным произведениям приводит к тому, что оказывается невозможным указать на специфические «видовые отличия», характеризующие литературу внутри ее «ближайшего рода», структуралисты предполагают, что литература не имеет такого отличия, «иными словами, не существует» [2, С.391].

Смысловая избыточность конкретного художественного текста, которая возникает чаще всего на границе, где не совпадают друг с другом коды (языки) отправителя (писателя) и получателя (читателя) текста, в рамках структуралистских программ объявляется областью *внеструктурной вариативности*, несущественной с познавательной точки зрения. Конкретное художественное произведение, угрожающее разрушить «структурное единство», является всего лишь «актом

индивидуального выражения», использующим языковой код структуры лишь как необходимый инструментарий. Примерами реконструкций этого единства служат модели К. Леви-Стросса и А. Греймаса.

Кроме невозможности определить черты литературности, применение структуралистской методологии обнаруживает и другую проблему: проблему противоположности стратегий исследователя-структуралиста и реального автора или читателя конкретного произведения. Для первого первична структура, а само произведение выступает как материализация ее законов. Для реального автора и его читателей первично произведение, а структура (в случае ее осознания) оказывается вторичной абстракцией.

Таким образом, другим неожиданным следствием структуралистского исследования литературности становится установка на то, что структурализм обладает методологией описания конечного числа способов для порождения бесконечного количества смыслов. Что в свою очередь наводит на мысль о бесполезности стратегий читательской герменевтики, недопустимости «читательского произвола» в условиях, когда известна логика порождения любых смыслов, «подобно тому как фразы французского языка приемлемы для лингвистического чутья французов» [3, С.356].

Итак, структурализм не сформулировал общее представление о специфических чертах литературности, которые позволят отнести конкретное произведение к сфере художественного творчества. А разработанная методология привела к разделению таких целостностей, как язык литературного произведения и его идиоматическое употребление в конкретном произведении; структура и текст; означаемое и означающее. Члены целостности противопоставляются друг другу, игнорируется тот факт, что структура языка во многом обусловлена речевой практикой, которая, в свою очередь, «завязана» на структуре языка. Контекст

употребления любой языковой конструкции может существенно изменять смысл высказывания. Важным является не только внутренний контекст произведения, но и внешний, обозначенный постструктуралистским термином «интертекст». Структурная методология, отказываясь от содержательного анализа текстов, оказалась не в состоянии объяснить специфику художественных текстов с точки зрения их формальной организации. Пытаясь преодолеть это затруднение, Ц. Тодоров предлагает от разграничения «литературы» и «нелитературы» перейти к изучению разнообразных текстов культуры в рамках новой дисциплины «типология дискурсов»: «Встав на структурную точку зрения, можно утверждать, что каждый тип дискурса, определяемый обычно как литературный, имеет нелитературных «родственников», более близких ему, чем какой-либо иной тип «литературного дискурса» [2, С.390]. Исследователь аргументирует свою позицию тем, что структурные принципы едины для всех знаковых систем: для естественного языка, языка философских категорий, карточной игры или художественной литературы. Поэтому все то, что поделено между семантиками и филологами, психолингвистами, философами языка и литературоведами на деле должно стать «единым полем исследования». Решением этой задачи занялись постструктуралисты.

В вопросе выбора единого термина для исследования постмодернистской парадигмы мы соглашаемся с позицией И.П. Ильина, изложенной в работе «Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа». В дальнейшем в статье будет использоваться общий термин «постструктурализм», чтобы подчеркнуть одно из важных положений данной статьи об имплицитной связи структуралистской парадигмы мышления и постструктуралистской концепции «поэтического мышления», выраженной Валери так: «философия, определяемая всем своим корпусом, который представляет собой корпус письма, объективно

является особым литературным жанром,... который мы должны поместить неподалеку от поэзии» [4, С.23].

«Поэтизация» философского мышления в постструктурализме представляется исследователям одним из проявлений процесса расширения предмета философского познания в сторону так называемых «перцептивных знаний» [5, С.17]. В сферу интереса современной философии и науки входят новые предметы познания, не верифицируемые и не рационализируемые. Они предъявляют особые требования к методам изучения и языку описания. В качестве примера подобных стратегий философствования можно назвать работы Х. Уайта, Ю. Кристевой, Ж.-Л. Нанси, В. Подороги, М. Рыклина. В более общем смысле программа поэтизации философии служит задаче преодоления образа философии, как «строгой и точной дисциплины», основанной на категориально-логическом инструментарии.

Рассматривая философию как «особый литературный жанр», постструктуралисты намереваются разработать свою методологию прочтения философского текста, а шире - всей западной философской традиции, представленной в совокупности текстов. В свою очередь методология подчинена центральной задаче постструктурализма - «развенчанию логоцентризма» западной метафизики. Реализация этой задачи приобретает самые разные способы: «деконструкция», «логомахия», «децентрация структуры», «критика трансцендентального означаемого», «критика структурности структуры». «Задача уже определена: исследовать философский текст в его формальной структуре, его риторическую организацию, специфику и разнообразие его исторических типов, модели его экспозиции и порождения,... пространство его мизансцен и его синтаксис, который не просто представляет собой артикуляцию его означаемых и их соотношенность с бытием или истиной, но также диспозицию его процедур и всего с ним связанного» [4, С.23]. То есть в

описанной структуре исследования философского текста сама философия рассматривается как «особый литературный жанр», определяющий законы использования языковых ресурсов.

Обратимся к некоторым аспектам постструктуралистской программы «преодоления метафизики». «Логоцентризм» - основной объект «деконструкции» - составляющая более широкого понятия, введенного в философский дискурс Ж. Деррида, «онто-тео-телео-фалло-фоно-логоцентризм». Этот последний отражает следующие ценностные установки классической, традиционной культуры: во-первых, установка на референциальную составляющую картины мира; во-вторых, предположение о тотальной детерминации; в-третьих, телеологизм традиционного мышления; в-четвертых, мышление, управляемое иерархическими оппозициями с явным преобладанием «маскулинности»; в-пятых, подчиненность мышления законам письменности фонетического типа (в противоположность иероглифическому), предусматривающей возможность только однозначной референции; в-шестых, утверждение наличия единого глубинного смысла, порядка во всем, на что направлена мысль человека. Все это вызывает радикальный протест у постструктуралистов: «Мы живем, без специальных разметок и изначальных координат, в мириадах затерянных событий» (М. Фуко) [Цит. по 6, С.614].

Центром силы рассматриваемого концепта является положение традиции европейского философствования об онтологической гарантированности смысла, придающего всему порядок, меру и единство; а также осмысление бытия как подчиненного некоторой внутренней логике. Теперь это положение трактуется как «империализм Логоса», препятствующий свободной ассоциативности мышления.

В проекте Ж. Деррида критика логоцентризма особенным образом связана с критикой фонологического принципа письма «западного типа» (в

отличие от восточного, основанного на иероглифическом принципе). Метафизика фонетической письменности отождествляется Деррида с логоцентризмом всей европейской культурной традиции: не только от Платона до Гегеля, но и от досократиков до Хайдеггера представление об истине связывается прежде всего со звучащим словом [7, С.130]. Философ полагает, что вся история западной культуры вплоть до современного идеала научности есть «репрессия» письменности, проистекающей от «империалистических устремлений Логоса». Аристотель, полагавший, что именно звучащая речь («голос») первой фиксирует «мыслительные опыты», пребывающие с миром в отношениях непосредственного обозначения, узаконил тенденцию, идущую еще от первых философских школ античности. А поскольку Логос является «первым» способом обозначения, наиболее близким к означаемому, письменность в этом процессе не имеет конструктивного значения, она всего лишь воспроизводит устную речь: «понятие письменности... остается в рамках наследия логоцентризма, являющегося одновременно фоноцентризмом - понятием об абсолютной близости голоса и бытия, голоса и смысла бытия, голоса и идеальности смысла» [7, С.126].

Отдельным аспектом критики логоцентризма, также связанным с рассуждениями о фонологической письменности, становится у Деррида критика «метафизики присутствия»: поскольку традиционная онтология определяет Бытие как «присутствие», «наличие», нефонологическое письмо воспринимается как «внешнее, постороннее» миру значений. Онтологическим статусом обладает лишь данность, а то, что не наличествует, не фиксируется, то не существует. Устная речь в своей непрерывности следует присутствию, гарантирует его, она является условием присутствия, условием Бытия. Все, что не сказано, выпадает за пределы рациональности, мышления о Бытии, а следовательно находится вне присутствия, не существует, иначе говоря. *«Слышать собственный*

голос (la voix s'entend) (именно это, конечно, и называется сознанием) так близко от Я, в котором означающее полностью стерто, - это чистое самовозбуждение: оно необходимо принимает временную форму и не ищет вне себя, в мире или в «реальности», никакого означающего, никакой субстанции выражения, чуждой своей собственной стихии. Это уникальный опыт: стихийное самопорождение означаемого внутри Я, но вместе с тем - поскольку речь идет об означаемом как понятии - в стихии идеальности или всеобщности» [7, С.136]. Представляется, что предметом рассуждения является в данном случае не только звучащая, устная речь, - Ж. Деррида подвергает критике всю западную классическую культуру, основанную на «метафизике присутствия», единственным обоснованием которой является фонологический принцип письменности.

Эта концепция служит поводом для частых упреков в «гносеологическом нигилизме» в адрес Ж. Деррида: критикой «голоса» и тезисом о примате «письма» над «голосом» философ стремится разорвать связи между миром и мыслями человека о нем, между референтом, предметом мысли и знаком, между означаемым и означающим. Общим местом постструктурализма является критика традиционной концепции знака. Тезис Фердинанда де Соссюра о произвольном отношении означаемого и означающего, о немотивированности знака находит радикальное развитие у Деррида. Референт не только не присутствует в знаке, но и само использование знака связано со «смертью» референта, поскольку человек обращается к знаку тогда, когда не может обратиться к означаемому, так как последнее отсутствует. Следовательно, смысл происходящего не дан человеку непосредственно, здесь и сейчас, он строится «в будущем, обращенном в прошедшее», он разворачивается «на других сценах». Так происходит рассеивание понятия смысла как гарантированного внеязыковым означаемым. Что если, предполагает Ж. Деррида, «смысл смысла (в самом общем понимании термина «смысл», а

не в качестве его признака) является бесконечным подразумеванием? беспрестанной отсылкой от одного означающего к другому? Если его сила объясняется одной лишь бесконечной сомнительностью, которая не дает означаемому ни передышки, ни покоя, а лишь только все время... побуждает его к постоянному означиванию и разграничению / отсрочиванию?» [Цит. по 4, С.25]. Знак, утративший непосредственную связь с референтом, обозначает теперь не столько сам предмет или явление внешнего мира, сколько его отсутствие («отсутствие присутствия»); это теперь только «след» предмета. Система языка для постструктуралистов это система «следов», самореференциальных знаков, «означающих как таковых». Означивание действительности настолько опосредованно, что все события жизни человека предстают лишь в виде следов своего бывшего присутствия, но и след теряется в бесконечности, обрекая любой поиск первоначала на неудачу: «Наконец, можно вообразить и вообще не мотивированный след. Назовем его прото-следом: в этом случае абсолютная первичность следа заведомо исключает возможность первичности чего бы то ни было другого (именно след вечно первичен) и тем самым стирает след (который не может быть первичным и самодостаточным)» [8, С.22].

В последующем Р. Барт постулирует «разрушение самого акта денотации», «утопичность денотации», Ж. Делез говорит об «абсурдности сигнификаций и нонсенсе денотаций», отказываясь тем самым от любых отношений между означающим и означаемым. Референциальная концепция знака, лежащая в основе традиционной метафизики, была основана на предположении существования «трансцендентального означаемого» - как гаранта значения. В контексте постструктуралистской «метафизики отсутствия» референта, отказа от идеи «трансцендентального означаемого» стало необходимым признать, что система языка - это система, не нуждающихся ни в каком внеязыковом гаранте. А это в свою

очередь снимает саму возможность постановки вопроса об истинности текста (или хотя бы о его достоверности, понятности). Таковы составляющие программы «поэтизации философии», разработанной Ж. Деррида. Его идеи, в некотором смысле канонические для постструктуралистской доктрины, были развиты в работах многих философов направления. Например, концепции симулякра Ж. Делеза, П. Клоссовски, Ж. Бодрийера оказались очень продуктивными и проникли во многие исследования нефилософской проблематики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Косиков Г.К. «Структура» и/или «текст» (стратегии современной семиотики) // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. - М., 2000.
2. Тодоров Ц. Понятие литературы // Семиотика: Антология/ Сост. Ю.С. Степанов. - М., Екатеринбург, 2001.
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. - М., 1989.
4. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. - М., 1996.
5. Ермоленко Г.А. Методология философского познания: проблемы и перспективы: Монография. - Краснодар, 2004.
6. Цит. по: Можейко М.А. Постмодернистская чувствительность // Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн., 2001.
7. Деррида Ж. О грамматологии. – М., 2000.
8. Автономова Н.С. Деррида и грамматология // Деррида Ж. О грамматологии. – М., 2000.

References

1. Kosikov G.K. «Struktura» i/ili «tekst» (strategii sovremennoj semiotiki) // Francuzskaya semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu. - M., 2000.
2. Todorov C. Ponyatie literatury // Semiotika: Antologiya/ Sost. YU.S. Stepanov. - M., Ekaterinburg, 2001.
3. Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika. Poehtika. - M., 1989.
4. Il'in I.P. Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm. - M., 1996.
5. Ermolenko G.A. Metodologiya filosofskogo poznaniya: problemy i perspektivy: Monografiya. - Krasnodar, 2004.
6. Cit. po: Mozhejko M.A. Postmodernistskaya chuvstvitel'nost' // Postmodernizm. ENciklopediya. – Mn., 2001.
7. Derrida ZH. O grammatologii. – M., 2000.
8. Avtonomova N.S. Derrida i grammatologiya // Derrida ZH. O grammatologii. – M., 2000.